

ОТРАЖЕНИЕ В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАХ И ТОПОНИМАХ БЕЛОЗЕРЬЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КРАЯ

Н. Н. ЛЕОНТЬЕВ, учитель Вашкинской средней школы

В далекой вашкинской деревне я однажды услышал, как старая женщина, жалуясь на свое одинокое житье-бытье, говорила: “Всю ночь не могла уснуть! Мыши за обоями чирандали, вечером волки уландали, к деревне что ли стали подбираться? Только стала засыпать, Рыжик, кот, под одеяло залез. Зафурандал, завел свою песню”.

Непонятные для меня слова “чирандать”, “уландать”, “фурандать” оказались понятными для многих старожилов Вашкинского района. Общее, что объединяло их, — это формант -нда. Глаголов с таким суффиксом удалось записать в дальнейшем около 30: арандать, уландать, урандать, колондать, торандать и т. д. Как потом удалось узнать из книги О. Вострикова “Финно-угорский субстрат в русском языке” (Свердловск, 1990 г.), глаголы на -нда и -айда перешли в русский из угро-финских языков или русскими заимствованы финские суффиксы.

Позднее наш вологодский писатель А. В. Петухов подсказал, что глагол “арандать”, вполне возможно, произошел от вепсского “арэйтá” — ворчливо ругаться, “уландать” — от “улайта” — выть, “урандать” — от “урайта” — рычать, ворчать, “торандать” — от “торайта” — греметь, барабанить.

Редко, но иногда в вашкинских деревнях употребляется еще один глагол, корнями уходящий в язык аборигенов Белозерья, — кехтать (от вепсского *kehitta* — иметь охоту, желать). “Руки ничего не кехтают”, — можно услышать от старого человека, то есть не работают. Все эти заимствования из языка первопоселенцев Белозерья широко распространены по всему Вашкинскому району и активно используются по-

жилыми людьми в разговорной речи. За пределами же района эти слова встречаются редко, и чем дальше от границы Вашкинского района, тем их меньше и меньше.

Как-то в одном из походов в кирилловскую деревню Большое Палшемо на вопрос: “Где здесь рыба хорошо клюет?” — местный житель ответил: “В шоле хорошо клюет”. Как потом оказалось, шола — рдест длиннейший (водное растение). Это слово также пришло в наш язык от дославянского населения Белоозерья — вепсов. Ведь по-вепски рдест длиннейший называется шоллед (шолляд). Это слово (шола) можно и сейчас услышать в деревнях по берегам Иткольского, Бородаевского и Сиверского озер. Широкое распространение получили в Вашкинском и местами в Кирилловском районах слова из вепского языка: кула (прошлогодня трава), щора (крупный песок), райда (ива). Меньшее — вепское “рянда” (от вепского “рянд” — сырая холодная погода, слякоть, мокрый снег, дождь со снегом). Правда, значение этого слова сейчас несколько иное — “мелкий дождь”. Есть и другие слова, дошедшие до нас сквозь толщу веков: мянда (сосна, сосняк на болоте, низкое место, заливаемое по весне водой и др.), шойда (роксома Вашкинского) — пара веников; перекладина у стола, соединяющая его ножки. В словаре Макса Фасмера “шойда” (вепское) — перекладина на плоту или санях. Замечу, что перекладина выступает в роли связки, связывает отдельные звенья в единое целое. Поэтому и пара веников — шойда. Ведь это тоже связка. В Кирилловском районе пара веников — шейда (деревни Безменово, Бульгино, Меньшуково).

О пребывании вепсов на Белоозере говорят многочисленные микротопонимы (названия сенокосов, ручьев, болот и др.). Так, например, очень много микротопонимов, объясняемых посредством вепского языка, можно найти в Вашкинском районе по рекам Индоманке и Кеме: Видога (сенокос), Куяк (поле и сенокос), Лепручей (сенокос и ручей), Пизеги (сенокос), Риднема (сенокос), Чурма (сенокос), Егисаря (сенокос). Но надо заметить, по моим наблюдениям, вепских микротопонимов больше — в западной части Вашкинского района, меньше — в центральной и совсем мало — в восточной.

Показателем присутствия на Белоозере финно-угров (вепсов, саамов и др.) служат многочисленные ойконимы (названия населенных пунктов) во всех трех районах, окружающих Белое озеро. Это Маэкса,

Мегра, Куность, Мондома (Белозерский район), Вашки, Ухтома, Мянда (Вашкинский район), Колкач, Шидьеро, Ягръш (Кирилловский).

Этнографическим показателем пребывания на Белозерье угрофиннов служит косая изгородь (косик). Она есть и была раньше во всех деревнях Вашкинского района, местами встречается в Белозерском (в деревнях, примыкающих к бывшему Шольскому району) и редко — в Кирилловском районах.

Коренные жители Белозерья нередко вместо сосна говорят сósна, вместо родник — рódник, вместо ручей — рúчей. Это тоже (примечание — Н. Л.) подтверждение присутствия в наших краях финноязычного дославянского населения. Известно, что во всех словах прибалтийско-финских языков ударение падает всегда на первый слог.

Большинство дошедших до нас диалектных слов и микропонимов восходят по происхождению к вепсскому языку, но есть и саамские лексемы. Их меньше, чему может быть несколько причин. Так, в одном из походов по Вашкинскому району встретилось слово “няша”. Значение его в разных деревнях разное: нечто испорченное, расплзающееся, например, гнилой гриб, сено; жидкое: грязь на дороге, жидкая каша. В саамском языке “няша” — грязь, мусор. В окрестностях Кирилловской деревни Палшево имеется озеро Ламбина. Лимноним (название озера) объясняется посредством саамского языка или карельского. Ведь “ламп” (саамское) и “ламби” (карельское) — бессточное озеро. Собранные в походах материалы позволяют очертить ареал расселения дославянского населения края, подтверждают факт, зафиксированный летописью (ПСРА Т. I, с. 75), которая выделяла древнюю весь на Белом озере как население, непосредственно предшествующее русскому. Археологические раскопки (НИКВК, с. 29—31), проведенные вологодским археологом А.Н. Башенькиным на территории Вологодской области, показали, что славяне появились на Белозерье не в IX—X вв. н.э., как считалось, а значительно раньше — во второй половине V—начале VI вв. н.э. К этому же выводу пришел профессор А. К. Матвеев (РОИ ОР, с. 262—263). Исследуя соответствие финского краткого звука “а” с русскими “о” и “а”, он пришел к выводу, что территория Белозерья была освоена русскими тогда, когда в древнерусском языке еще не завершился праславянский процесс перехода краткого звука “а” в “о”, то есть никак не позже VI—VII вв.

Район Белого озера заселялся несколькими потоками славян, один из которых шел со стороны Древнего Новгорода. Отразилось ли это в местной диалектной лексике и микротопонимике?

Приходя на новое место жительства, наши предки-славяне приносили с собой наработанную веками культуру и язык как составную ее часть. Каждую весну, отправляясь в поход на Шексну, где находилось средневековое Белоозеро, я даю своим краеведам задание найти кусочек, пусть маленький, берестяной грамоты. Шло время, но поиски не приносили нужных результатов. Не нашли своих — стали исследовать новгородские. И удивительное дело: сразу обнаружилось много знакомого. В грамотах нашли имя Обакун (Бакун) — основу вашкинской фамилии Бакунов. В новгородском диалекте звук “ф” часто заменялся звуком “х”. И у нас в районе наблюдалось подобное явление. Человека по имени Фрол старые люди зовут Хрол, Ефремов хутор называют Ехремов хутор. И там, и у нас часто наблюдается отпадание начального гласного имени. Ведь зовут же Елизавету Лизаветой, Гераську — Ераськой! Но, как оказалось, эти особенности характерны не только для языка древних новгородцев, но и для всей западной половины восточнославянской области.

Но были зафиксированы в Вашкинском районе и чисто новгородские языковые особенности. Своеобразно в Древнем Новгороде образовывались имена людей. Бралась основа (ею мог быть даже один начальный звук имени!), и добавлялись так называемые суффиксальные морфы. Какие? Не всякие, их можно найти в книге “Новгородские грамоты на бересте”.

Итак, если наши предки пришли с новгородской стороны, то это как-то должно проявить себя в антропонимах (именах, фамилиях) и ойконимах (названиях населенных пунктов). На территории Андреевского сельского Совета (Вашкинский район) был когда-то хутор Пехневский. Кто его основал? “Пехно”, — скажет внимательный читатель. А как его полное имя? Попробуем применить новгородское правило имяобразования. Берем основу “Пе” и добавляем два суффиксальных морфа “х” и “н”. Вместе с окончанием “о” получаем имя “Пехно”. А оно — основа имени Петр (Петр, не Пётр, говорят старые люди в Вашкинском районе).

Попробуем применить новгородское правило имяобразования к кирилловской фамилии Вахлов. К основе имени “Ва” добавляем два суффиксальных морфа “х” и “л” и окончание “о”. Получаем “Вахло”. Итак, остается догадаться, от какого имени основа “Ва”. “Варфоломей”, — подскажут новгородские берестяные грамоты. Возможны и другие варианты.

Как-то в письме с Украины мой далекий родственник задал себе и мне вопрос: “Почему в нашей деревне Малый Пепел (Кирилловский район) родные братья носили разные фамилии — Леонтьев и Левашов?” Попробуем разобраться. Мужское имя Леонтий в разговорной деревенской речи звучало как Левонтий. Лишний звук “в”, как считают некоторые лингвисты, — результат влияния угро-финских языков. Возможно, его назначение — разделить гласные “е” и “о”, так как русский язык не любил стечения гласных звуков. Это явление в языке называется эпентеза (вставка). В книге “Новгородские грамоты на бересте” (НГ, с. 147) отмечается, что для личных имен Древнего Новгорода характерна чисто новгородская замена “а” на “о” и, наоборот, после согласного (независимо от места ударения). Используем это в нашем случае. Получаем: “Левон” — “Лева”. Осталось добавить суффиксальный морф “ш”, и Левонтий превратился в Леваша. Итак, основа и той и другой фамилии одна и та же — имя Леонтий, лишь вторая фамилия образовалась от варианта этого имени, “облаченного” в “новгородское платье”. Новгородское правило имяобразования помогло объяснить такие вашкинские ойконимы, как Поташево, Хотино, Хашково и ряд других. Кроме того, имеются и другие основания считать наших предков, по крайней мере, часть их, выходцами с новгородской стороны.

Во время походов по Белозерью удалось записать необычные названия болот, сенокосов: сенокос Клилево (д. Задняя Вашкинского района), сенокос Тлиль (д. Покровское Вашкинского района), болото Заклели (Роксома Вашкинского), сенокос Клили (д. Пехтач Кирилловского района), сенокос Клили (д. Заельники Кирилловского района). Наличие варианта Клиль (Тлиль), как считает А. И. Яценко (ПРО, с. 20), дает возможность сделать вывод о влиянии псковских и новгородских говоров, где сохранились сочетания “кл” и “тл”. Мик-

ротопоним Тлиль (Клиль) попал к нам на Белоозеро вследствие новгородской колонизации края.

Отразился в ойконимах и микротопонимах дохристианский период. Недалеко от кирилловской деревни Чистый Дор есть сенокос Поклонная, где и сейчас можно найти камень, которому поклонялись наши предки. Дохристианские имена Волк, Подосен, Дурак, Коверзя, Шило, Третьяк донесли до нас ойконимы Волково, Подосеново, Дураково, Коварзино, Шиляково, Третьяково.

О каждом из них можно многое рассказать. Остановлюсь только на некоторых. Имя Волк, как и Собака, родители давали своему ребенку, чтобы рос выносливым, сильным. Имя Подосен родители давали ребенку, родившемуся под осень. Третьяком называли третьего ребенка (сына!) в семье (девочек в счет не брали).

Когда будете переезжать реку Шексну у деревни Десятовская, то вспомните, что здесь когда-то поселился человек по имени Десятый (десятый сын в семье!). А вот имя Коверзя (а может и прозвище!?) человек получил намного позже своего рождения. Это имя указывает на то, что он занимался плетением — коверзней — лаптей косога плетения с высоким задником (Э.В.С., с. 284). О коверзнях (верзнях) помнит и кирилловская фамилия Верзняков (д. Молоди, Талицкий с/сов.). А деревня, где поселился Коверзня, стала называться Коварзино, так она значится в письменном источнике под 1580 г. (Р. В. Д., с. 150). Почему же Коварзино превратилось в Коварзино (современный вариант названия деревни), сказать не берусь. Возможно, просто с ойконимом поработал неграмотный писец. И этот неправильный вариант со временем закрепился, вытеснив правильный.

“А где же русские-то имена, привычные нам?” — спросит читающий эти строчки. А их и не было! Они пришли к нам с христианством в X веке. Да, замечу, привычные нам “русские” имена русскими-то большей частью и не являются. Они заимствованы из языка малоазиатских евреев, древних римлян, греков, египтян, персов (Р. И., с. 15). А по-настоящему русские — это те, которые я называл выше: Волк, Собака, Подосен и др. Они, к счастью, не канули в лету, а продолжают жить в названиях деревень, фамилиях.

Нашел отражение в топонимике путь “от варяг в греки”. Греция — второе (народное) название моей малой родины д. Малый Пепел.

Тут своя история, которую еще предстоит написать. “Язык обладает огромным запасом консерватизма”, благодаря чему и дошли до наших дней отзвуки многих исторических событий. Надо только внимательно прислушаться, чтобы услышать их.

¹О последнем портрете А.С. Пушкина, автором которого признан И. Л. Лиев см. в следующих изданиях: А.С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX в.: Каталог. Л., 1985. — № 93; Кочин Е. В. Загадки старых картин. М., 1979. С. 3-19. Кроме того, в периодике имеются упоминания об этом портрете: Новь. 1887. 20 декабря; Искусство. 1972. № 8. С. 63—67; Художник. 1973. № 3. С. 45—46.